

Статьи

ПРОЯВЛЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ У ПСИХОЛОГОВ-КОНСУЛЬТАНТОВ В СИТУАЦИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С КЛИЕНТАМИ

Ю.В. ЗАХАРОВА^а

^а *Независимый исследователь*

Moral Disengagement in Counseling Psychologists in Situations of Professional Interaction with Clients

Yu. V. Zakharova^a

^а *Independent researcher*

Резюме

В фокусе внимания представленного исследования находится моральное отчуждение как внутренний механизм неэтичного поведения. В данной работе оно изучалось в контексте консультативной деятельности российских психологов, в частности, в таких ситуациях профессионального взаимодействия, которые несут потенциальную угрозу профессиональной и личностной идентичности. Моральное отчуждение в данном случае служит защите Я-концепции и совладанию с неприятными эмоциями. Выборка исследования составила 200 человек. Для сбора данных были использованы методы онлайн-опроса и глубинного полуструктурированного интервью. Была показана значимая обратная связь морального отчуждения с эмпатией, добросовестностью, доброжелательностью, а также с психологической разумностью. Кластерный анализ позволил выделить четыре профиля респондентов с разным сочетанием морального отчуждения и

Abstract

The focus of this research is moral disengagement as an internal mechanism of unethical behavior. In this work, it was studied in the context of the psychological counseling of Russian psychologists, in particular, in situations of professional interaction that can bring a potential threat to professional and personal identity. Moral disengagement serves to protect one's self-concept and cope with unpleasant emotions. The study sample consisted of 200 people. Online survey and in-depth semi-structured interview methods were used to collect data. Results indicated a significant relationship between moral disengagement and empathy, conscientiousness, agreeableness, and psychological mindedness. Cluster analysis allowed to identify four profiles of respondents with different combinations of moral disengagement and personality factors.

личностных факторов. Тематический анализ глубинных интервью с респондентами-психологами выделенных групп позволил детально описать проявления морального отчуждения в ситуациях профессионального взаимодействия. Были выявлены факторы, сопровождающие высокие показатели морального отчуждения: отсутствие акцента на теме пользы консультирования для клиента, самообвинения психолога, переживание психологом профессиональной несостоятельности, стигматизация клиента психологом, воспринимаемое психологом противостояние с клиентом, сильные эмоции вины, обиды и гнева, трудности с управлением эмоциональным состоянием, мотив самозащиты, поведение, связанное с рисками эксплуатации клиентов и нанесения им вреда. Данное исследование не только углубляет представление о феноменологии проявления морального отчуждения, но и может помочь снизить риски эксплуатации клиентов и нанесения им вреда за счет повышения степени осознанности психологов в области использования механизмов морального отчуждения в ситуациях профессионального взаимодействия.

Ключевые слова: моральное отчуждение, профессиональная этика психологов, опросник «Большая пятерка», эмпатия, психологическая разумность, психологическое консультирование.

Захарова Юлия Владимировна — клинический психолог, КПТ-практик, преподаватель, сооснователь Коллегии по этике психологов и психотерапевтов, независимый исследователь. Сфера научных интересов: моральная психология, профессиональная этика психологов, принятие этических решений, моральное отчуждение, когнитивные искажения, когнитивно-поведенческая психотерапия. Контакты: mail@zakharova.info

Благодарности

Сердечно благодарю моего научного руководителя к.пс.н. Н.В. Кисельникову за ее мудрое наставничество, неоценимую помощь и вдохновляющую поддержку. Благодарю Е.А. Куминскую за ее ценный вклад в анализ данных исследования, а также всех коллег, принявших в нем участие.

Thematic analysis of in-depth interviews with respondents from the selected groups made it possible to describe in detail of moral disengagement in situations of professional interaction among psychologists from the selected groups. Namely, factors accompanying high rates of moral disengagement were identified: lack of emphasis on the benefits of counseling for the client, self-accusation of the psychologist, the psychologist's experience of professional failure, stigmatization of the client by the psychologist, confrontation with the client perceived by the psychologist, strong emotions of guilt, resentment and anger, difficulties with management of emotional states, self-defense motive, behavior associated with the risks of exploitation and harm to clients. This study not only deepens the understanding of the phenomenology of moral disengagement, but can also help reduce the risks of exploitation and harm to clients by increasing the awareness of psychologists regarding the operation of moral disengagement in situations of professional interaction.

Keywords: moral disengagement, professional ethics of psychologists, The Big Five Inventory, empathy, psychological mindedness, psychological counseling.

Yuliya V. Zakharova — clinical psychologist, CBT-practitioner, lecturer, co-founder of the College of Ethics of Psychologists and Psychotherapists, independent researcher.

Research Area: moral psychology, professional ethics of psychologists, ethical decision making, moral disengagement, cognitive distortions, cognitive behavioral therapy.

E-mail: mail@zakharova.info

Acknowledgements

I sincerely thank my academic supervisor, PhD in Psychology, N.V. Kisel'nikova, for her wise guidance, invaluable assistance, and inspiring support. I express gratitude to E.A. Kuminskaya for her valuable contribution to the data analysis, as well as to all colleagues who participated in it.

Моральные суждения и поведение людей, а также этические вопросы как рефлексия морали в конкретных контекстах на протяжении долгого времени находятся в центре внимания исследователей. Изучение механизмов морального поведения, условий и факторов его проявления имеет как научное, так и социальное значение. Так, например, в организациях неэтичное поведение часто становится не только причиной экономических и репутационных убытков, но и морального ущерба, наносимого сотрудникам, клиентам и обществу в целом. К еще более тяжелым последствиям могут привести этические нарушения, совершаемые представителями «помогающих» профессий с дисбалансом власти: полицейскими, учителями, врачами, психологами.

Принятие неэтичных решений и совершение неэтичных поступков изучается как в связи с личностными факторами, так и в различных ситуационных, профессиональных и социальных контекстах. Во второй половине XX в. психологи и социологи (С. Милгрэм, Дж. Дарли и Б. Латане, Ф. Зимбардо) изучали влияние на моральное поведение таких ситуационных факторов, как, например, наличие авторитетной фигуры, присутствие свидетелей, непривычность ситуации (Meyers, 2010). Позднее появились исследования влияния на моральные суждения и поведение эмоций отвращения, презрения и гнева (Rozin et al., 1999; Inbar et al., 2009), тревоги (Kouchaki, Desai, 2015), повышенного позитивного аффекта (Vincent et al., 2013) и др. Множество исследований связано с изучением когнитивной составляющей принятия этических решений (Detert et al., 2008; и др.), различных форм самообмана, направленных на сохранение позитивной Я-концепции при принятии неэтичных решений и совершении неэтичных поступков (Ariely, 2012; и др.).

Разрозненные стратегии самообмана при аморальном и неэтичном поведении людей, выделенные ранее психологами и социологами, были проанализированы и обобщены А. Бандурой в его исследованиях. В результате этого он ввел понятие морального отчуждения, чтобы обозначить набор когнитивных тактик, которые нарушают моральную саморегуляцию, позволяя людям действовать аморально и сохранять при этом самоуважение. Функциями морального отчуждения являются дезактивация моральных процессов, подавляющих аморальное и неэтичное поведение, снижение вины и самоосуждения, защита Я-концепции. Было выделено восемь механизмов морального отчуждения: моральное оправдание, эвфемистический ярлык, выгодное сравнение, смещение ответственности, рассеивание ответственности, искажение последствий, дегуманизация, атрибуция вины (Bandura, 2016).

В дальнейшем моральное отчуждение изучалось в соотношении с личностными характеристиками: эмпатией и добросовестностью (Detert et al., 2008; Ewell et al., 2016; Ogunfowora et al., 2022), уровнем когнитивного морального развития и моральной идентичностью (Moore et al., 2012), доброжелательностью (Alessandri et al., 2020; Gao et al., 2023), локусом контроля (Detert et al., 2008), чертами «темной триады» (Moore et al., 2012; Alessandri et al., 2020) и др.

Исследования морального отчуждения показали, что оно является надежным предиктором неэтичного поведения (Bandura et al., 2001; Fida et al., 2016; и др.). Наибольшее количество исследований морального отчуждения сосредоточено в

организационной сфере (Ogunfowora et al., 2022), а также в контексте спортивных нарушений, школьного и сетевого буллинга (Stanger et al., 2013; Teng et al., 2020; Gao et al., 2023). В последние годы исследования морального отчуждения охватывают и другие ситуации: насилия на свиданиях (Cuadrado-Gordillo et al., 2020), соблюдения правил в пандемию (Alessandri et al., 2020), академической прокрастинации (Wu, He, 2022). Гораздо реже изучается моральное отчуждение представителей «помогающих» профессий с дисбалансом власти: учителей (Pereira et al., 2022), врачей (Antes et al., 2020), медсестер (Fida et al., 2016). При этом данный феномен до сих пор не исследовался в контексте профессиональной деятельности психологов-консультантов и психотерапевтов, чьи профессии также являются «помогающими» и связанными с сильным дисбалансом власти в отношениях с клиентами. В их деятельности особенно важно соблюдение профессиональной этики, а цена неэтичных суждений и поведения здесь очень велика. Практика психолога часто сопряжена с этическими дилеммами, которые бросают вызов его профессиональной позиции. В этически сложных ситуациях особенно важно учитывать возможные когнитивные искажения, препятствующие этичному поведению (Koocher, Keith-Spiegel, 2016).

Таким образом, с одной стороны, существует много данных о связи личностных и ситуационных факторов и морального отчуждения, суждений и поведения. С другой стороны, мало известно, как они взаимодействуют между собой, не описана феноменология переживания морального отчуждения, что позволило бы углубить представление о работе этого механизма когнитивного искажения в этически сложных ситуациях. Кроме того, наблюдается дефицит знаний о проявлении морального отчуждения в профессиональной деятельности психологов-консультантов при высокой теоретической и практической значимости этих знаний. В частности, такое знание может помочь психологам-консультантам лучше осознавать и корректировать риски эксплуатации клиентов и нанесения им вреда.

В нашей работе мы рассматриваем моральное отчуждение как внутренний механизм неэтичного поведения, который, по сути, является набором когнитивных искажений. Оно может активироваться у психологов-консультантов в ситуациях, угрожающих профессиональной и личностной идентичности, служа защите Я-концепции и совладанию с неприятными эмоциями.

Опираясь на данные предыдущих исследований в области моральных суждений и поведения, мы выделили ряд личностных факторов, которые могут вносить значимый вклад в проявление морального отчуждения. Одним из таких факторов стала эмпатия (Detert et al., 2008). Эмпатичные люди более внимательны и способны лучше замечать, как их поведение влияет на других людей, тогда как моральное отчуждение, напротив, сопровождается отстранением от чувств и потребностей других людей (Bandura, 2016; Moore et al., 2012). Другой фактор — добросовестность как черта личности. Известно, что добросовестные люди более склонны к соблюдению правил и подавлению побуждений, противоречащих моральным обязательствам (Costa, McCrae, 1992). И наконец, третий фактор — психологическая разумность как способность осознавать свои

и чужие мысли, эмоции и действия (Новикова, Корнилова, 2014). Исследователи выявили, что моральное отчуждение снижает моральную осознанность и моральные суждения (Moore et al., 2012; Stephens, 2018). Следовательно, низкая психологическая разумность может выступать значимым фактором проявления морального отчуждения.

В связи с этим был сформулирован ряд *исследовательских вопросов*:

1. Какие личностные факторы связаны с проявлением морального отчуждения у психологов-консультантов?

2. Какие могут быть выделены профили морального отчуждения и связанных с ними личностных факторов?

3. Как моральное отчуждение проявляется в ситуациях профессионального взаимодействия с клиентами у психологов-консультантов с разными типами профилей морального отчуждения и факторов, с ним связанных?

Метод

Выборка

В исследовании приняли участие 200 психологов-консультантов, откликнувшихся на приглашение, размещенное в чатах профессиональных сообществ и социальных сетях. 88% выборки составили женщины, 11% — мужчины, 1% идентифицировали себя небинарно. Смещение выборки в сторону респондентов-женщин соответствует гендерному распределению в профессии, а также, вероятно, связано с тем, что женщины более охотно участвуют в психологических исследованиях.

Возраст респондентов составил от 22 до 69 лет ($M = 38$, $SD = 8.9$). Большинство проживает в крупных городах — Москва и Санкт-Петербург (63.6%), получили высшее психологическое образование (57%), имеют опыт работы от 4 до 10 лет (37.5%), посещают супервизии и интервизии раз в две недели (31%). Половина респондентов (50%) не входит в профессиональные ассоциации психологов и психотерапевтов.

Ход исследования

Перед началом исследования респондентам предлагалось дать информированное согласие на участие в исследовании и заполнить анкету с биографическими данными. Также по желанию они могли оставить e-мейл для участия во второй части исследования. Случайно выбранным из базы респондентам, оставившим e-мейл (таких было 80%), рассылались приглашения для участия в интервью.

Первая часть исследования была направлена на выявление личностных факторов, связанных с моральным отчуждением, и типов профилей морального отчуждения и указанных факторов. Опрос с применением личностных опросников проводился дистанционно посредством Google-форм.

Вторая часть исследования была посвящена изучению проявлений морального отчуждения в профессиональном контексте у психологов-консультантов с разными типами профилей. На этом этапе проводилось полуструктурированное интервью, дистанционно через Zoom и Skype. Вопросы для него были сформулированы на основе дополнительного анонимного опроса через Google-формы, в котором психологи-консультанты могли рассказать о профессиональных ситуациях, сопровождающихся сильными негативными эмоциями.

Методы сбора данных

Для изучения личностных факторов, связанных с моральным отчуждением, и выявления типов профилей морального отчуждения и указанных факторов использовались адаптированные «Опросник морального отчуждения» С. Мур (Ледовая и др., 2016), «Тест эмпатии» М. Дэвиса (Карягина и др., 2013), «The Big Five Inventory-2» (далее «Большая пятерка») К.Дж. Сото и О.П. Джона (Калугин и др., 2021), «Шкала психологической разумности» Х. Конте (Новикова, Корнилова, 2014) и др.

Для изучения проявлений морального отчуждения в профессиональном контексте использовался метод глубинного полуструктурированного интервью. Интервью строилось вокруг конфликтных ситуаций с клиентами, которые сопровождались негативными эмоциями со стороны психолога и потенциально угрожали его профессиональной и личностной идентичности. Такие ситуации могут выступать триггером для защиты Я-концепции, для совладания с негативными эмоциями и для проявлений механизмов морального отчуждения.

Проведение интервью предваряла следующая инструкция: «Постарайтесь вспомнить одну из ситуаций, которая произошла относительно недавно, например, в последние несколько месяцев. Какую-то ситуацию, связанную с вашей профессиональной деятельностью, с взаимодействием с клиентом, которая вас сильно затронула. У нас всех бывают случаи, от которых нас “выносит”: буквально не можем спать, думаем о них. Это эмоционально заряженные ситуации, связанные с трудностями в работе. Возможно, связанные с конфликтами с клиентами или с этическими дилеммами. Например, клиент резко покидает терапию или ведет себя грубо, обесценивает, говорит, что работа с нами не приносит пользы. Можете ли вы вкратце, без раскрытия подробностей, описать в паре предложений такую “цепляющую” ситуацию?»

После этого интервью проводилось в соответствии с вопросами гайдлайна, с сохранением гибкости в ходе беседы и с фокусировкой на темах, вызывающих наибольший отклик у респондентов:

1. Из-за чего вы переживали больше всего?
2. Опишите, пожалуйста, какие эмоции у вас были в этой ситуации.
3. Можете ли вы припомнить, какие у вас были мысли в этой ситуации: о себе и своей профессиональной роли; о том, какой вы внесли вклад в эту ситуацию; о клиенте; о ситуации в целом?

4. Видели ли вы эту ситуацию как ситуацию морального выбора, этической дилеммы?

5. Можете ли вы припомнить, какие у вас возникли побуждения в связи с этой ситуацией?

6. Как вы справлялись с этими мыслями и чувствами?

7. Как вы в итоге поступили?

8. Что вам помогло?

Использовались следующие *методы анализа данных*:

1. Корреляционный анализ (коэффициент Пирсона).

2. Сравнительный анализ значимости различий (метод хи-квадрат, критерий Краскела—Уоллиса).

3. Кластерный анализ (программная среда R).

4. Тематический анализ интервью.

Результаты исследования

Корреляционный анализ показал непротиворечивую картину связей морального отчуждения и его отдельных механизмов со шкалами других опросников. Так, суммарный показатель морального отчуждения обратно связан со шкалами теста эмпатии М. Дэвиса «Децентрация» и «Эмпатическая забота», со шкалами опросника «Большая пятерка» — «Доброжелательность» и «Добросовестность», со шкалой опросника психологической разумности «Открытость новому опыту» и с суммарным показателем всех шкал этого же опросника (см. таблицу 1). Ряд шкал — «Эмпатическая забота» по М. Дэвису и «Доброжелательность» и «Добросовестность» опросника «Большая пятерка» — продемонстрировал наиболее сильные связи с показателями морального отчуждения.

Иерархический кластерный анализ психологических характеристик респондентов позволил разделить их на четыре группы, характеризующиеся различным сочетанием морального отчуждения и личностных факторов (см. рисунки 1–4).

Респонденты первой группы имеют высокие показатели эмпатии, психологической разумности, добросовестности и доброжелательности, низкие показатели морального отчуждения, негативной эмоциональности и личного дистресса.

Респонденты второй группы очень схожи с респондентами первой группы по всем показателям, за исключением показателя морального отчуждения: у респондентов данной группы оно высокое.

Респонденты третьей группы имеют низкие показатели эмпатии, психологической разумности, добросовестности и доброжелательности и высокие показатели морального отчуждения, негативной эмоциональности и личного дистресса, являясь полной противоположностью респондентам первой группы. С респондентами второй группы они сходны низкими показателями морального отчуждения.

Таблица 1
 Значения коэффициентов корреляции Пирсона между шкалами опросника морального отчуждения и теста эмпатии М. Дэвиса, опросника «Большая пятерка» и опросника «Психологическая разумность»

Шкалы опросника морального отчуждения	Шкалы теста эмпатии М. Дэвиса			Шкалы опросника «Большая пятерка»		Шкалы опросника «Психологическая разумность»		
	Децентрация	Эмпирическая забота	Личный дистресс	Доброта	Добросовестность	Готовность обсуждать переживания	Открытость новому опыту	Сумма шкал
Моральное отчуждение, сумма шкал	-0.21**	-0.31***		-0.40***	-0.19**		-0.20**	-0.21**
Моральное оправдание		-0.24***		-0.33***				
Эфемистический ярлык	-0.22**	-0.35***		-0.35***				
Выгодное сравнение				-0.36***	-0.30***			
Смещение ответственности		-0.20**	0.19**				-0.19**	
Рассеивание ответственности		-0.25***		-0.24***	-0.24***			
Искажение последствий				-0.28***	-0.19**			
Дегуманизация	-0.21**			-0.28***		-0.35***		-0.25***
Атрибуция вины		-0.21**		-0.19**				-0.24***

** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Рисунок 1

Профили групп респондентов по шкалам опросника морального отчуждения

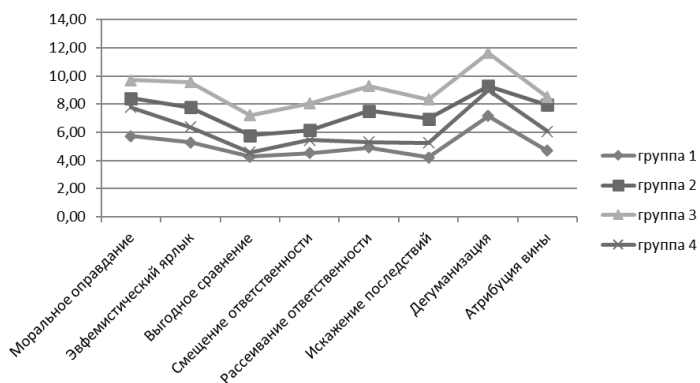

Рисунок 2

Профили групп респондентов по шкалам теста эмпатии М. Дэвиса

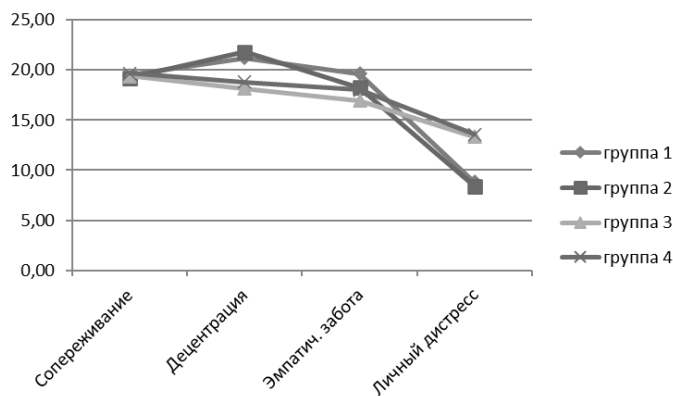

Рисунок 3

Профили групп респондентов по шкалам опросника «Большая пятерка»

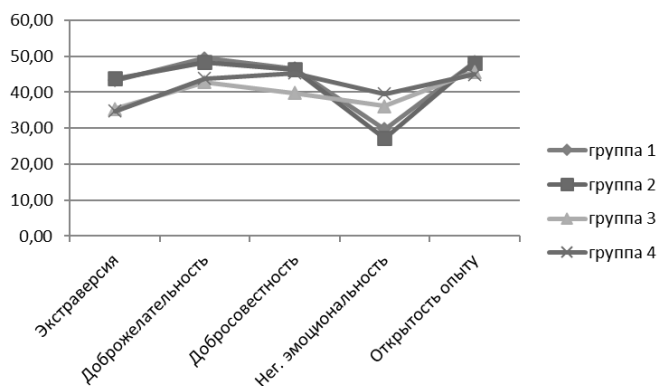
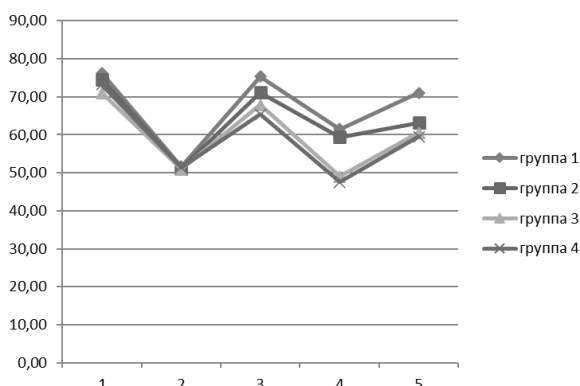

Рисунок 4

Профили групп респондентов по шкалам опросника «Психологическая разумность»

Примечание. Обозначения шкал: 1 — заинтересованность в сфере переживаний, 2 — доступность переживаний, 3 — польза от обсуждения переживаний, 4 — желание и готовность обсуждать переживания, 5 — открытость новому опыту.

Респонденты четвертой группы имеют, как и респонденты третьей группы, низкие показатели эмпатии, психологической разумности, добросовестности и доброжелательности, высокие показатели негативной эмоциональности и личного дистресса. Однако показатели морального отчуждения у них низкие.

Проведение сравнительного анализа между выделенными четырьмя группами (метод хи-квадрат, критерий Краскела—Уоллиса) не выявило различий по следующим признакам: пол, возраст, образование, метод работы, принадлежность к профессиональным ассоциациям, стаж работы, частота супервизий и интервизий, стоимость сессии, занятость и доход. При этом были обнаружены значимые различия между всеми группами по показателям психологической разумности ($p\text{-value} = 5.619e-09$) и морального отчуждения ($p\text{-value} < 2.2e-16$) (см. рисунки 5 и 6).

Результаты тематического анализа интервью

Было проведено и проанализировано 16 интервью, по 4 интервью из каждого кластера/группы. Не все респонденты давали разрешение на аудиозапись интервью, однако все разрешали интервьюеру параллельное ведение записей в ноутбуке. Интервью анализировались по мере продвижения исследования, поскольку интервьюирование было итеративным процессом. Ответы помогали уточнить вопросы интервью для последующих респондентов и были направлены на выявление их опыта, который обогатил бы исследование.

Далее был проведен индуктивный тематический анализ: при анализе текста его смысловые элементы помечались кодами, которые являлись значимыми для ответа на вопросы исследования. Далее коды были объединены в общие темы, составлена тематическая карта, выделены подтемы.

Рисунок 5

Различия по профилям групп респондентов по суммарному показателю опросника морального отчуждения

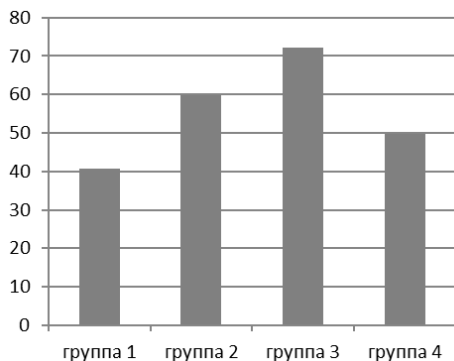
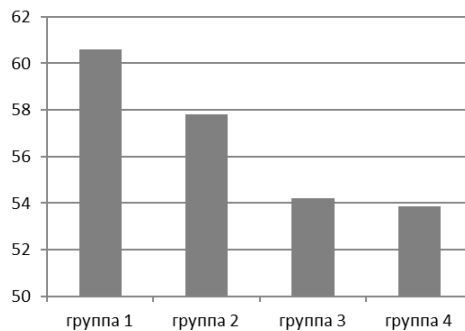

Рисунок 6

Различия по профилям групп респондентов по суммарному показателю опросника «Психологическая разумность»

Тематический анализ позволил выделить пять тем: «Фокус на пользе для клиента», «Фокус на вкладе психолога в ситуацию» (переживание собственного непрофессионализма, рефлексия своих действий и поиск решения), «Фокус на вкладе клиента в ситуацию» (стигматизация клиента психологом, противодействие клиента психологу), «Эмоции психолога и способы с ними справиться», «Мотив самозащиты у психолога», «Действия психолога под влиянием эмоций и мотива самозащиты» (риски эксплуатации психологом клиента и нанесения ему вреда).

Фокус на пользе для клиента

Этический принцип благоприятного воздействия и непричинения вреда является одним из главных и базовых принципов психологического консультирования, состоит из двух частей: польза и вред (Koocher, Keith-Spiegel, 2016). Тема пользы для клиента как центральной задачи консультирования звучит в размышлениях ряда респондентов: «Думала: приношу ли я пользу, помогаю ли я сейчас» (группа 1). Фокус на пользе для клиента помогал психологам не фокусироваться на себе, не проявлять защитное поведение: «Стал думать, как не уйти в защиты, как лучше для нее, чтобы я откликнулся» (группа 3). Однако у части респондентов идея пользы консультирования для клиента упускалась из вида и не звучала в рассуждениях.

Фокус на вкладе психолога в ситуацию

Переживание собственного непрофессионализма

Некоторые респонденты припоминали, что в сложной ситуации они впадали в самообвинения и самобичевание, волновались, являются ли они хорошими

специалистами. Так, например, рассказывают об этом респонденты группы 2: «Мысли о никчемности своей», «Обесценивала свой вклад», «Я видела ситуацию однозначно: недостаточность экспертизы». Сходным образом рассуждали психологи из группы 3: «Я не внушаю доверия, я кажусь неубедительным», «Естественно, я себя ругала».

Рефлексия своих действий и поиск решения

Многие респонденты, рассуждая о своем вкладе в конфликтную ситуацию, размышляли о своих действиях и о том, что они могли бы сделать по-другому: «Я, может, недостаточную поддержку оказала. Может, надо больше тепла и сочувствия», «Похоже, разбор рабочей ситуации смешался с моим личным опытом. Самораскрытие — это не то, что было нужно. Нужно было держать фокус на клиенте» (группа 1). Некоторые респонденты лишь констатировали свои профессиональные ошибки и дефициты: «Мне не удалось глубоко понять, в чем сложность», «Я с ней не проговорила правила и спустила сеттинг на тормозах» (группа 3).

Фокус на вкладе клиента в ситуацию

Стигматизация

Часть респондентов связывали сложные ситуации взаимодействия с состоянием и опытом клиентов: «Она предъявляла страшное страдание», «У него был тяжелый жизненный опыт» (группа 1). Однако некоторые психологи атрибутировали такие ситуации с клиентами как следствие личностных проявлений, характерологических особенностей и диагнозов последних: «Она пограничная», «Пустое лицо», «Она скучная, как случай не очень интересная, по поверхности», «Человек внутри эмоционально незрелый», «У нее биполярные тенденции» (группа 2); «Там клиническая картина», «Его процесс не позволяет ему услышать кого-то» (группа 3); «У него нарциссизм, перфекционизм, схема привилегированности» (группа 4).

Противодействие клиента

Зачастую стигматизация клиента продолжалась передачей ему части ответственности за произошедшее. В рассуждениях о его поведении звучали темы не только разочарования, обиды, недовольства, но и его противодействия психологу и в целом процессу консультирования: «Она очень быстро сруливает с горячих зон, с настоящих переживаний», «Она дурочку включила», «Я много для нее сделала, а она перечеркнула в грубой форме» (группа 2); «Его разносит, он не может получить помощь», «Он не хочет сотрудничать, не хочет слышать то, что ему неприятно, не хочет брать ответственность», «Говорит какие-то правильные вещи, но оно ей не надо» (группа 4).

Эмоции психолога и способы с ними справляться

Эмоции психолога

Психологи описывали широкий спектр негативных эмоций, которые возникали в описанных ситуациях. У некоторых респондентов преобладали эмоции страха и бессилия: «тревога за клиента», «бессилие, ужас» (группа 1). Респонденты группы 2 часто отмечали сильные эмоции гнева и вины: «Злость, гнев, это же нарушение границ», «И вина, и злость, что она сносит все мои границы!» Респонденты группы 3 выделяли не только гнев и вину, но и обиду: «Обида, вина, стыд, злость, возмущение, страх за себя». Респонденты группы 4 описывали те же эмоции, но более низкой интенсивности: «Неприятно. Раздражение, стыд колынул».

Умение психолога справляться с эмоциями

Психологи описывали разные способы совладания с эмоциями в сложных ситуациях. Некоторые отметили, что им помогают:

- удержание фокуса на клиенте и его состоянии, на пользе для терапии: «Говорила себе, что да, работа бывает трудной, надо удерживать внимание на состоянии клиентки и постараться ее стабилизировать» (группа 1);
- умение отодвинуть в сторону свои эмоции: «Если я начну переживать, я выпаду из фокуса... Больше сосредоточенность на том, что человек говорит. Я со своей историей встречаюсь у своего терапевта» (группа 1);
- эмпатия и сострадание: «Пытаюсь встать на место человека, как бы я хотел, чтобы любящий другой поступил» (группа 3), «Помогает сострадание к клиентке» (группа 4).

Однако ряд психологов описывают свои длительные переживания и сложности совладания с ними: «Теряю опору и устойчивость, понимание, что я делаю, зачем» (группа 2); «Три часа гуляла, чтобы успокоиться» (группа 3); «Пару дней переживал» (группа 3). Часть респондентов описывают попытки справиться с эмоциями через общение с клиентами: «Написал ему, чтобы справиться с эмоциями» (группа 3).

Мотив самозащиты у психолога

Некоторые респонденты описывают возникающий на фоне сильных эмоций мотив самозащиты: «Хотелось договориться, что мы с ней точно не прощаемся. Хотелось это сделать не из пользы для нее, но из желания себя защитить» (группа 2); «Я себя как бы защищал. Чтоб он понял, что я не лох» (группа 3).

Действия психолога под влиянием эмоций и мотива самозащиты (риски эксплуатации клиентов и нанесения им вреда)

Одним из базовых этических принципов является принцип ответственности. Психолог должен осознавать дисбаланс власти в консультативных отношениях,

который создает риски эксплуатации клиентов и нанесения им вреда. Психолог из доминирующей властной позиции может, вопреки профессиональной этике, начать действовать, исходя из зачастую неосознанных мотивов, направленных на удовлетворение собственных потребностей: спасти свою самооценку, финансово, эмоционально, сексуально эксплуатировать клиента (Koocher, Keith-Spiegel, 2016).

В рассуждениях наших респондентов о конфликтных ситуациях проявлялись нарративы, связанные с возможными рисками эксплуатации клиента и нанесения ему вреда: навязывание консультирования клиенту, который не хочет его продолжать (группы 2, 3); использование времени сессии, чтобы доказать клиенту свою правоту (группа 3); резкое прерывание консультирования с «неприятным» клиентом (группа 2); предоставление клиенту «особых условий» (психолог позволяет задерживать оплату сессии, удовлетворяет желание клиента переписываться между сессиями) (группы 2, 3); ожидания психолога, что клиент должен его «развлекать», быть ему интересен (группа 2); продолжение неэффективного консультирования (группа 4); требования оплаты пропущенного сеанса без договоренностей об этом (группа 3).

Описание групп

В результате проведенного тематического анализа интервью появилась возможность описать феноменологию морального отчуждения у групп респондентов, выделенных в результате кластерного анализа.

Первая группа: низкое моральное отчуждение, высокая психологическая разумность

Респонденты первой группы характеризуются ориентацией на пользу процесса консультирования для клиента. Размышляя о вкладе клиента в сложную ситуацию, они чаще опираются на его состояние, опыт, а не на диагнозы, личность и характер, рассуждая о вкладе психолога — анализируют свои ошибки, пытаются найти наилучшие для клиента решения. У респондентов данной группы отсутствует тема самообвинений. Они, как и все, испытывают эмоции высокой интенсивности, однако данные эмоции не связаны с виной, обидой и гневом, направленным на клиента. Психологи данной группы не действуют под влиянием эмоций, а откладывают их «на потом», не описывают реализацию мотива самозащиты. В этой группе отсутствует описание поведения психолога, связанного с рисками нанесения клиенту вреда или его эксплуатации.

Вторая группа: высокое моральное отчуждение, высокая психологическая разумность

Респонденты этой группы упускают из виду пользу для клиента как главную цель консультирования. В своих размышлениях они склонны стигматизировать

клиента, чаще опираться на его диагнозы и характер, негативно оценивать его личность и действия, а в некоторых случаях даже видеть в нем врага, чинящего препятствия процессу консультирования. Реплики респондентов данной группы о клиентах можно отнести к проявлениям таких механизмов морального отчуждения, как «дегуманизация» и «атрибуция вины».

Рассуждая о вкладе психолога в возникшую сложную ситуацию, эти респонденты часто впадают в самообвинение, в переживания своего непрофессионализма, описывают мотив самозащиты; у них преобладают сильные эмоции вины и гнева, направленные на себя и на клиента. Под влиянием этих эмоций респонденты могут совершать поступки, содержащие риски эксплуатации клиента и причинения ему вреда: настаивают на продолжении консультирования вопреки желанию клиента, размывают границы сессинга, резко обрывают консультирование «неудобных» клиентов.

Третья группа: высокое моральное отчуждение, низкая психологическая разумность

Респонденты третьей группы, как и второй, редко рассуждают о пользе консультирования для клиента и акцентируют внимание на особенностях клиента, препятствующих процессу терапии, что можно считать проявлением механизмов морального отчуждения («дегуманизация», «атрибуция вины»). Рассуждая о вкладе психолога, они так же концентрируются на анализе своих ошибок, при этом не пытаются искать другие решения.

Выявлены некоторые особенности в описании эмоций, переживаемых респондентами этой группы: у них преобладают эмоции не только гнева и вины, но и обиды, отмечается долгое (от трех часов до нескольких дней) переживание негативных эмоций. Так же, как и респонденты второй группы, они описывают мотив самозащиты и поведение, содержащее риски нанесения вреда клиентам и их эксплуатации (настаивают на продолжении терапии вопреки желанию клиента, используют время сессии, чтобы доказать клиенту свою правоту, требуют от клиента оплаты вне договоренностей, размывают границы сессинга, чтобы не быть «плохим» специалистом).

Четвертая группа: низкое моральное отчуждение, низкая психологическая разумность

Рассуждения респондентов данной группы характеризовались краткостью, несмотря на уточняющие вопросы интервьюера. Эти психологи не рассуждают о практике в терминах вреда и пользы, однако отмечают, что стараются учитывать последствия своих действий. Рассуждая о вкладе терапевта в конфликтную ситуацию, они не впадают в самообвинения, стараясь объективно оценить свои действия. Мотив самозащиты не представлен в их рассуждениях. Они слабее дифференцируют эмоции в напряженных ситуациях («неприятно»), не рассказывают о переживании высокоинтенсивных эмоций. Лишь один из респондентов сообщил о поведении, содержащем риски эксплуатации

клиентов и нанесения им вреда: он продолжал неэффективное консультирование. В целом, респонденты данной группы отмечают радость и удовольствие от работы и спокойно относятся к тому, что клиенты могут внезапно отказываться от дальнейшего консультирования.

Обсуждение результатов

Нами была выявлена обратная корреляция морального отчуждения с эмпатией (по шкалам «Децентрация» и «Эмпатическая забота»), добросовестностью, доброжелательностью и психологической разумностью. Установленные на нашей выборке связи морального отчуждения с эмпатией и добросовестностью согласуются с результатами многочисленных исследований (Detert et al., 2008; Moore et al., 2012; Ewell et al., 2016; Ogunfowora et al., 2022), как и связь морального отчуждения и доброжелательности (Ewell et al., 2016; Alessandri et al., 2020; Gao et al., 2023). Так, исследование морального отчуждения на выборке любителей видеоигр показало, что игроки с высокой доброжелательностью, добросовестностью и одновременно низким моральным отчуждением обычно выбирали для аватара «доброе» персонажа (Ewell et al., 2016). Другое исследование показало, что респонденты с этими чертами личности больше придерживались правил безопасности в период пандемии (Alessandri et al., 2020). Также подтвердилось наше предположение об обратной связи морального отчуждения и психологической разумности, которая ранее не находилась в фокусе внимания исследователей.

В результате тематического анализа оказалось возможным выделить следующие проявления морального отчуждения и сопровождающие их факторы риска у психологов-консультантов в ситуациях профессионального взаимодействия с клиентами: отсутствие акцента на теме пользы консультирования для клиента, самообвинения психолога, переживание психологом профессиональной несостоятельности, стигматизация клиента психологом, воспринимаемое психологом противостояние с клиентом, сильные эмоции вины, обиды и гнева, трудности с управлением эмоциональным состоянием, мотив самозащиты, поведение, связанное с рисками эксплуатации клиентов и нанесения им вреда.

Выявленная нами тема отсутствия фокуса внимания психолога на пользе консультирования для клиента переключается с исследованиями авторов психоаналитической направленности. В их работах смешивание потребностей психотерапевта и клиента описано как один из механизмов, постепенно приводящий психотерапевтов к тяжелым этическим нарушениям (Gabbard, 1994; Yañav, Oz, 2006). Выявленные темы стигматизации клиента, противостояния, самозащиты, представления клиента как врага, которые прослеживаются в рассуждениях респондентов с высоким моральным отчуждением (группы 2 и 3) и сопровождаются работой его механизмов — «дегуманизации» и «атрибуции вины», — согласуются с данными других качественных исследований морального отчуждения (Stanger et al., 2013; Fida et al., 2016; Blanco et al., 2022). Так, например, в исследовании морального отчуждения у членов бандформирований

в Колумбии исследователи выделили в нарративах акцентируемую участниками тему конфронтации с жертвами преступлений: для оправдания своего преступного поведения бандиты лишали жертв человеческих качеств и приписывали им агрессивные мотивы (Blanco et al., 2022). По результатам другого исследования, спортсмены оправдывали причинение вреда другим игрокам тем, что поведение этих игроков было оскорбительным и преднамеренным (Stanger et al., 2013). По мнению А. Бандуры, именно построение образа врага прокладывает когнитивный путь к дегуманизации и атрибуции вины (Bandura, 2016). Наконец, выявленные у респондентов самообвинения, переживания своей профессиональной несостоятельности и чувство вины связаны не только с постулированной А. Бандурой защитной функцией морального отчуждения, но и с данными других исследователей о связях морального отчуждения с переживаниями вины и стыда (Bandura, 2016; Stanger et al., 2013; Ogunfowora et al., 2022).

Хочется акцентировать внимание на том, что группы 2 и 3, лидирующие по интенсивности показателей морального отчуждения, различаются по данным опросника «Психологическая разумность», однако очень схожи по факторам риска, связанным с механизмами морального отчуждения «атрибуция вины» и «дегуманизация» (по данным интервью). Похожие эффекты, но с противоположным знаком наблюдаются для респондентов групп 1 и 4: низкий уровень морального отчуждения в сочетании с различиями в показателях опросника «Психологическая разумность» сопровождается отсутствием механизмов морального отчуждения и почти всех указанных факторов риска, за исключением поведения, содержащего риски нанесения вреда клиентам и их эксплуатации. Вероятно, это можно объяснить тем, что низкая психологическая разумность защищает респондентов группы 4 от угроз их Я-концепции.

Высокие показатели по опроснику морального отчуждения сопровождаются фиксацией работы механизмов морального отчуждения, а также наличием в самоотчетах психологов признаков поведения, содержащего риски эксплуатации клиентов и нанесения им вреда. Это совпадает с данными исследований морального отчуждения в других контекстах, где высокое моральное отчуждение показано надежным предиктором неэтичных суждений и поведения (Bandura et al., 2001; Moore et al., 2012; Vincent et al., 2013; Fida et al., 2016). Однако на нашей выборке видно, что в ряде случаев, когда низкие показатели морального отчуждения сочетаются с низкими показателями психологической разумности, все же сохраняется вероятность суждений и поведения, содержащих риски эксплуатации клиентов и нанесения им вреда.

Ограничения и перспективы исследования

Погружение респондентов в настоящий этический конфликт, вынуждавший бы их решать реальные дилеммы, было неприемлемо по этическим соображениям. Поэтому для выявления механизмов действия морального отчуждения были использованы реальные кейсы из практики респондентов и

их размышления по этому поводу, что все же не является непосредственно наблюдаемым поведением.

Поскольку рассуждения респондентов о кейсах носили ретроспективный характер, не представляется возможным точно установить, как в реальной ситуации срабатывали механизмы морального отчуждения.

За пределами исследования оказалась большая часть механизмов морального отчуждения, таких как моральное оправдание, эвфемистический ярлык, выгодное сравнение, смещение ответственности, рассеивание ответственности, искажение последствий. Интервью по этическим соображениям не содержало квалификации поведения и суждений респондентов, вскрытия противоречий и конфронтации, которые могли бы сделать явными работу этих механизмов. Возможно, дальнейшие исследования скажут больше о работе вышеуказанных механизмов на примерах опубликованных протоколов разборов этических комитетов профессиональных ассоциаций психологов и психотерапевтов.

Перспективным в контексте заявленной темы также является анализ факторов, связанных с коллективным моральным отчуждением, а именно — норм поведения, принятых в различных сообществах, в том числе профессиональных, и отношения к их нарушению.

Выводы

Моральное отчуждение является надежным предиктором неэтичного и аморального поведения в различных сферах человеческого взаимодействия. Особенно важно изучение морального отчуждения в контексте помогающих профессий с большим дисбалансом власти.

Эмпирическое исследование показало, что моральное отчуждение у российских психологов-консультантов отрицательно связано с личностными чертами: эмпатией, добросовестностью, доброжелательностью, а также с психологической разумностью. Психологи-консультанты с высоким уровнем морального отчуждения демонстрируют работу механизмов морального отчуждения, описывают поведение, связанное с рисками эксплуатации клиентов и нанесения им вреда.

Литература

- Калугин, А. Ю., Щebetенко, С. А., Мишкевич, А. М., Сото, К. Дж., Джон, О. П. (2021). Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(1), 7–33. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>
- Карягина, Т. Д., Будаговская, Н. А., Дубровская, С. В. (2013). Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса. *Консультативная психология и психотерапия*, 1, 202–227.
- Ледовая, Я. А., Тихонов, Р. В., Боголюбова, О. Н., Казенная, Е. В., Сорокина, Ю. Л. (2016). Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения. *Вестник СПбГУ*, 4, 23–39. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.402>

Новикова, М. А., Корнилова, Т. В. (2014). «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально-личностного потенциала (адаптация опросника). *Психологический журнал*, 35(1), 95–110.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Alessandri, G., Filosa, L., Tisak, M. S., Crocetti, E., Crea, G., & Avanzi, L. (2020). Moral disengagement and generalized social trust as mediators and moderators of rule-respecting behaviors during the COVID-19 outbreak. *Frontiers in Psychology*, 11, Article 2102. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.02102>
- Antes, A. L., Dineen, K. K., Bakanas, E., Zahrli, T., Keune, J. D., Schuelke, M. J., & DuBois, J. M. (2020). Professional decision-making in medicine: Development of a new measure and preliminary evidence of validity. *PLoS ONE*, 15(2), Article e0228450. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0228450>
- Ariely, D. (2012). *The (honest) truth about dishonesty*. New York, NY: Harper.
- Bandura, A. (2016). *Moral disengagement: How people do harm and live with themselves*. New York, NY: Worth Publishers.
- Bandura, A., Caprara, G. V., Barbaranelli, C., Pastorelli, C., & Regalia, C. (2001). Sociocognitive self-regulatory mechanisms governing transgressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 80, 125–135. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.80.1.125>
- Blanco, A., Davies-Rubio, A., De la Corte, L., & Mirón, L. (2022). Violent extremism and moral disengagement: A study of Colombian armed groups. *Journal of Interpersonal Violence*, 37(1-2), 423–448. <https://doi.org/10.1177/0886260520913643>
- Costa, P. T. Jr., & McCrae, R. R. (1992). *Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI) professional manual*. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources.
- Cuadrado-Gordillo, I., Fernández-Antelo, I., & Martín-Mora Parra, G. (2020). Moral disengagement as a moderating factor in the relationship between the perception of dating violence and victimization. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(14), Article 5164. <https://doi.org/10.3390/ijerph17145164>
- Detert, J. R., Treviño, L. K., & Sweitzer, V. L. (2008). Moral disengagement in ethical decision making: a study of antecedents and outcomes. *Journal of Applied Psychology*, 93, 374–391. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.93.2.374>
- Ewell, P. J., Guadagno, R. E., Jones, M., & Dunn, R. A. (2016). Good person or Bad character? Personality predictors of morality and ethics in avatar selection for video game play. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 19(7), 435–440. <https://doi.org/10.1089/cyber.2015.0207>
- Fida, R., Tramontano, C., Paciello, M., Kangasniemi, M., Sili, A., Bobbio, A., & Barbaranelli, C. (2016). Nurse moral disengagement. *Nursing Ethics*, 23(5), 547–564. <https://doi.org/10.1177/0969733015574924>
- Gabbard, G. O. (1994). Psychotherapists who transgress sexual boundaries with patients. *Alabama Medicine*, 64(6), 7–12.
- Gao, L., Li, X., & Wang, X. (2023). Agreeableness and adolescents' cyberbullying perpetration: A longitudinal moderated mediation model of moral disengagement and empathy. *Journal of Personality*, 91(6), 1461–1477. <https://doi.org/10.1111/jopy.12823>
- Inbar, Y., Pizarro, D. A., Knobe, J., & Bloom, P. (2009). Disgust sensitivity predicts intuitive disapproval of gays. *Emotion*, 9, 435–439. <https://doi.org/10.1037/a0015960>

- Kalugin, A. Yu., Shchebetenko, S. A., Mishkevich, A. M., Soto, C. J., & John, O. P. (2021). Psychometric properties of the Russian version of the Big Five Inventory-2. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 18(1), 7–33. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33> (in Russian)
- Karyagina, T. D., Budagovskaya, N. A., & Dubrovskaya, S. V. (2013). Adaptatsiya mnogofaktornogo oprosnika empatii M. Devisa [Adaptation of the M. Davis multifactorial empathy questionnaire]. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 1, 202–227.
- Koocher, G., & Keith-Spiegel, P. (2016). *Ethics in psychology and the mental health professions: standards and cases* (4th ed.). Oxford University Press.
- Kouchaki, M., & Desai, S. D. (2015). Anxious, threatened, and also unethical: How anxiety makes individuals feel threatened and commit unethical acts. *Journal of Applied Psychology*, 100, 360–375. <https://doi.org/10.1037/a0037796>
- Ledovaya, Ya. A., Tikhonov, R. V., Bogolyubova, O. N., Kazennaya, E. V., & Sorokina, Yu. L. (2016). Moral disengagement: the psychological construct and its measurement. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 16. Psikhologiya.Pedagogika [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology]*, 4, 23–39. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.402> (in Russian)
- Meyers, D. G. (2010). *Social psychology* (10th ed.). New York, NY: McGraw-Hill.
- Moore, C., Detert, J. R., Baker, V. L., & Mayer, D. M. (2012). Why employees do bad things: Moral disengagement and unethical organizational behavior. *Personnel Psychology*, 65(1), 1–48. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2011.01237.x>
- Novikova, M. A., & Kornilova, T. V. (2014). “Psychological mindedness” in the structure of intellectual and personal potential (adaptation of questionnaire). *Psikhologicheskii Zhurnal*, 35(1), 95–110. (in Russian)
- Ogunfowora, B. T., Nguyen, V. Q., Steel, P., & Hwang, C. C. (2022). A meta-analytic investigation of the antecedents, theoretical correlates, and consequences of moral disengagement at work. *Journal of Applied Psychology*, 107(5), 746–775. <https://doi.org/10.1037/apl0000912>
- Pereira, N. S., Ferreira, P. D. C., Veiga Simão, A. M., Cardoso, A., Barros, A., Marques-Pinto, A., Ferreira, A. I., Primor, A. C., & Carvalhal, S. (2022). “It is typical of teenagers”: When teachers morally disengage from cyberbullying. *Spanish Journal of Psychology*, 25, Article e30. <https://doi.org/10.1017/SJP.2022.27>
- Rozin, P., Lowery, L., Imada, S., & Haidt, J. (1999). The CAD triad hypothesis: a mapping between three moral emotions (contempt, anger, disgust) and three moral codes (community, autonomy, divinity). *Journal of Personality and Social Psychology*, 76(4), 574–586. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.76.4.574>
- Stanger, N., Kavussanu, M., Boardley, I. D., & Ring C. (2013). The influence of moral disengagement and negative emotion on antisocial sport behavior. *Sport, Exercise and Performance Psychology Journal*, 2(2), 117–129. <https://doi.org/10.1037/a0030585>
- Stephens, J. M. (2018). Bridging the divide: The role of motivation and self-regulation in explaining the judgment-action gap related to academic dishonesty. *Frontiers in Psychology*, 9, Article 246. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00246>
- Teng, Z., Bear, G. G., Yang, C., Nie, Q., & Guo, C. (2020). Moral disengagement and bullying perpetration: A longitudinal study of the moderating effect of school climate. *School Psychology*, 35(1), 99–109. <https://doi.org/10.1037/spq0000348>

-
- Vincent, L. C., Emich, K. J., & Goncalo, J. A. (2013). Stretching the moral gray zone: Positive affect, moral disengagement and dishonesty. *Psychological Science, 24*, 595–599. <https://doi.org/10.1177/0956797612458806>
- Wu, W., & He, Q. (2022). The roles of moral disengagement and learned helplessness towards international postgraduate students' academic procrastination. *Psychology Research and Behavior Management, 15*, 1085–1104. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S343135>
- Yahav, R., & Oz, S. (2006). The relevance of psychodynamic psychotherapy to understanding therapist-patient sexual abuse and treatment of survivors. *The Journal of the American Academy of Psychoanalysis and Dynamic Psychiatry, 34*(2), 303–331. <https://doi.org/10.1521/jaap.2006.34.2.303>